

**Влияние французских источников на становление
отечественной**

историографии Бородинского сражения (хронометрия событий)

Становление «французской» историографической версии событий при Бородине изначально существенно отличалось от «русской». Проблемы хронометрии событий, их последовательности и взаимосвязи, не являются для специалистов, изучающих действия Великой армии при Бородине, такими же «темными и запутанными», как для тех, кто изучает участие в битве русских войск. Это можно объяснить более обширной источниковой базой, дающей относительно непротиворечивую картину военного столкновения. В отличие от русской стороны, события на южном фланге у деревни Семеновское подробно отражены во французских, немецких, итальянских и польских источниках, что дает возможность при сопоставлении с русскими источниками отчасти восполнить пробелы, существующие в отечественной историографии. В связи с этим актуален вопрос влияния «французской» версии на отечественную и в процессе их становления наоборот, когда обязанности историков («жрецов науки», по выражению М.И. Богдановича), нередко брали на себя участники события. В этом случае авторитет самовидцев чрезвычайно способствовал тому, что впоследствии «картина этого сражения приобретала освященный традицией набор образов и суждений»¹. Отметим, что российские историки в большей степени были осведомлены как обо всех французских источниках, так и о трудах французских и немецких историков, появляющихся в печати, в то время как зарубежные авторы в основном игнорировали сочинения своих русских коллег, что можно объяснить незнанием языка. Отечественные

авторы часто прибегали к использованию иностранных описаний в реконструкции отдельных эпизодов битвы, при этом сохраняя без изменений «каноническую» версию в интерпретации событий, сложившуюся в первой половине XIX в.

Родоначальник отечественной версии К.Ф. Толь в 1839 г. не преминул в названии своего труда уточнить, что его «Описание» составлено не только на основании «рапортов гг. корпусных командиров Российской армии», но и «официальных документов неприятельских, перехваченных во время преследования французской армии в 1812 году, и из иностранных описаний сей достопамятной войны, изданных по окончании оной». В 1813 г. Толь мог познакомиться с 18-м бюллетенем Великой армии, рапортами Нея, Мюрата, Евг. Богарнэ, переизданными и в 1821 г.ⁱⁱ В частности, время атаки бригады Бонами на центральное русское укрепление, которое сложно определить по русским источникам из-за ошибки в рапорте «героя дня» Ермолова, в версии Толя выправлено явно по французским источникам. 18-й бюллетень Великой армии, составленный 18 сентября, об атаке на батарею Раевского сообщал: «...у противника оставались его правофланговые редуты, генерал граф Моран двинулся вперед и захватил их, но в **девять часов утра**, атакованный со всех сторон, не смог там удержаться»ⁱⁱⁱ.

Наряду с этими источниками Толь (как и Ахшарумов и Бутурлин) использовал работу Э. Лабома (при Бородине капитана-географа штаба 4-го корпуса)^{iv}. Очевидно, именно у Лабома первые российские историки позаимствовали описание нападения на д. Семеновское 2-й пехотной дивизии генерала Фриана, включив ее, однако, в соответствии с русской хронометрической версией, в число участников боя за флеши (вторая атака). Бессистемность в рассказе Лабома о ходе битвы, сходная с «Очерками Бородинского сражения» Глинки, ошибки в описании

событий, показывающие ограниченность источниковой базы, еще более способствовали торжеству «русской» версии. Так, описывая последнюю (вторую) атаку французов на батарею Раевского, автор, вероятно, для большей художественности изложения поведал о смерти командира 2-го кавалерийского корпуса: «Только что генерал Монбрен во главе своей кавалерии закончил свою доблестную жизнь»^v. В действительности же эти события произошли на 3–4 часа ранее. Ввернувшись в повествовании к событиям, предшествовавшим смертельному ранению Монбрена, к бою за флеши, Лабом писал: «...Багратион стойко выдерживал наш напор»^{vi}. С точки зрения автора, «русский князь сначала нанес большой урон полякам» на Старой Смоленской дороге и только после окончательного захвата центрального редута Коленкуром (!) маршалы Даву и Ней снова обратились против Багратиона. Так, французский сочинитель «превзошел» в хронометрии событий русских авторов, перепутав последовательность двух атак на центральный люнет. Используя по своему произволу рапорт Нея, он, не вникая в последовательность событий, объединил в одно целое бой за Старую Смоленскую дорогу, флеши, Семеновское и батарею Раевского: «Соединив дивизию Ледрю с дивизиями Морана и Жерара, этот маршал действовал одновременно с принцем Евгением»^{vii}. Заметим, что дивизия Ледрю сражалась за левую флешь, а дивизии Морана и Жерара – в районе Новой Смоленской дороги и подчинялись Евг. Богарнэ. В этом случае Толь, Ахшарумов и Бутурлин могли служить образцом точности. Ссылки на Лабому присутствовали в сочинениях Глинки, Михайловского-Данилевского, Липранди и т.д.

В основе этого описания битвы, получившего широкое распространение в России, чувствуется влияние 18-го бюллетеня, где особенно подчеркивались заслуги в сражении маршалов Мюрата и Нея, получившего после Бородина почетный титул князя Москворецкого

(даже утвержденный за ним в 1814 г. рескриптом Александра I). Высокая оценка действий французского военачальника обоими враждующими императорами отразилась не только на «французской», но и на «русской» версии. Романтическое восприятие личности «храбрейшего из храбрых», трагически закончившего свои дни после битвы при Ватерлоо, мешало соотнести результаты его действий в сражении с распоряжениями Наполеона накануне битвы. Русским авторам в этом препятствовал недостаток источниковой базы. Лабом поделился с читателями своими собственными воспоминаниями. Основываясь на 18-ом бюллетени, он сообщал, что русская армия к 8 часам была окончательно разбита, но далее в сочинении говорится: «Окрыленный достигнутыми успехами, Кутузов приказал двинуть резерв, чтобы попытать в последний раз счастье. <...> Собрав все вспомогательные войска, он атаковал наш центр, на который опирался наш правый фланг; был момент, когда мы боялись, что будем опрокинуты в этом месте и потеряем захваченный третьего дня редут»^{viii}. Эти подробности выглядят странно после сообщения об окончательном разгроме русской армии. Речь здесь идет, очевидно, о контратаке русскими войсками батареи Раевского и дивизией Коновницына Семеновских флешей.

Параллельно с выходом в свет работы Бутурлина в Париже был напечатан труд Ж. де Шамбрэ, где использовались материалы архива военного министерства Франции^{ix}. В 1812 г. автор служил капитаном в гвардейской артиллерии. Главное внимание Шамбрэ уделял документам: диспозиции, бюллетеням, рапортам, которых для воссоздания полной картины битвы было недостаточно. Шамбрэ особенно волновал вопрос о численности и потерях Великой армии, а силы обеих сторон он признавал примерно равными, обратив внимание на значительное число новобранцев в русской армии. Автор довольно высоко оценил значение

флангового рейда кавалерии Уварова и Платова.

В 1823 г. в печати появился «Мемориал святой Елены», воспоминания «узника Европы», записанные под диктовку бывшего императора Франции его секретарями^x. Победу своей армии при Бородине Наполеон, естественно, не подвергал сомнению. К сожалению, его «устные мемуары» заключали в себе сведения настолько тенденциозные, что их не представляло особого труда опровергнуть самим французским историкам, отчего «русская» версия только укреплялась как более достоверная. Бывший император утверждал, что атаковал с 90 000 русскую армию численностью в 250 000 человек, «окопавшихся в траншеях по самые уши», полностью ее разгромив. Потери противника он исчислял в 70 000, то есть их уже стало на 20 000 больше, чем в его собственном 18-м бюллетене^{xi}.

В том же 1823 г. в Лондоне были опубликованы одни из самых ранних мемуаров участников битвы – адъютанта Наполеона генерала Ж. Раппа, сообщившего интересные подробности о бое за Семеновские флеши и деревню Семеновское. Так, Рапп поведал о четырех атаках на «русские реданты»^{xii}. Правда, он счел нужным сначала упомянуть об успехе Нея, «отважным ударом решившем судьбу дня», а затем уже поделился трудностями, подстерегавшими наполеоновские войска на южном фланге. Не подвергая сомнению победу французов в сражении, Рапп сделал знаменательное признание: «Мы слишком усилили свой правый фланг, и король Неаполитанский один подвергался губительному огню батарей Семеновского. У него были лишь конные войска, глубокий овраг отделял его от деревни, и овладеть ею было нелегко; тем не менее это было необходимо, чтоб не быть в конце концов разгромленным картечным огнем». Рапп признал факт смещения французской пехоты на окончечность южного фланга, указав, что дивизия Фриана была введена в

бой для поддержки кавалерии после захвата флешей при нападении на Семеновское. Вероятно, нет ни одного исследования, где бы не приводились ночной разговор Наполеона с Раппом перед битвой, когда император сказал, что «счастье – самая настоящая куртизанка» (и другие занимательные подробности), однако самый важный, с нашей точки зрения, фрагмент этих воспоминаний, где сообщалось о непомерном усилении южного фланга Великой армии и бездействии кавалерии в центре, почему-то не привлекал внимания специалистов, как иностранных, так и русских, хотя этот факт и позволяет судить об упорной обороне русских войск на левом фланге.

Ни одна работа не имела такого успеха у российских читателей, как книга бывшего главного квартирьера Главной квартиры Наполеона бригадного генерала графа Ф. де Сегюра «История Наполеона и Великой армии в 1812 году»^{xiii}. Высокий чин, близость к императору, предполагавшая высокую степень осведомленности, аристократическое происхождение – все это привлекало внимание к сочинению, написанному живым художественным языком. К тому же русский читатель помнил о том, что граф Сегюр – племянник посла в России, который сопровождал Екатерину II в путешествии по Тавриде. Философское восприятие действительности позволяло автору взглянуть на события Бородинского сражения не только глазами солдата Великой армии, чье сердце «было безнадежно ранено французским орлом», но и соотнести последствия битвы с крахом всей «русской кампании» и дальнейшим крушением Первой империи. Бородинское сражение представлялось Сегюру как грандиозный рыцарский поединок, где обе стороны, выказав себя «мучениками чести», явили высокие примеры доблести и героизма.

Именно Сегюр был первым автором, использовавшим в своей книге

рассказы русских офицеров, с которыми он общался по окончании кампаний 1812–1814 гг., сочинения Бутурлина^{xiv}, а также и другие работы, повествующие о русской армии и, в частности, о Кутузове. Он создал психологический портрет русского полководца без обычного для французов высокомерного пренебрежения: «Наполеону захотелось получить предварительные сведения о своем новом противнике. Ему изобразили Кутузова стариком, получившим когда-то странную рану, которая положила начало его известности. С тех пор он научился ловко пользоваться обстоятельствами. Даже сражение при Аустерлице, которое он проиграл, способствовало его славе. Его недавние походы против турок лишь увеличили ее еще больше. Его значение было неоспоримо. <...> Устрашающий своей славой и умением ее увеличивать, он вызывал и в других желание состязаться с ним»^{xv}.

Сегюр попытался без предвзятости воссоздать картину событий 24–26 августа. Подробно изложив ход боя при Шевардине, он не стал вдаваться в его причины, сообщив лишь о значительных потерях с обеих сторон. Сегюр указал на важность обладания главной коммуникацией – Новой Смоленской дорогой: «Русские появлялись в возрастающем количестве в центре и на правом фланге своей армии, грозя занять Московскую дорогу»^{xvi}. Это обстоятельство заставило Наполеона перебросить на Новую Смоленскую дорогу две дивизии из 1-го пехотного корпуса (Морана и Жерара) и кавалерийский корпус маршала Груши. Эти распоряжения ослабили численность 1-го корпуса Даву, что проявилось в неудаче первого нападения на флеши. Так, Сегюр указал на то, что Кутузову все же удалось демонстрацией силы правого фланга ослабить группировку французов у Семеновского. Критики Кутузова не придают этому факту ни малейшего значения.

Самое замечательное в этом сочинении, на наш взгляд, заключалось

в том, что Сегюр в описании битвы предпочел русскую хронометрическую версию Бутурлина, которую не смогли поколебать в его глазах ни 18-й бюллетень, ни рапорты маршалов. Он начал описание сражения с «демонстрации» на северном фланге у с. Бородина, затем перешел к описанию боя за флешы, продлив их оборону до полудня, и, согласившись с Бутурлиным, что именно ранение Багратиона («несчастный случай») явилось причиной успехов Нея и Даву у Семеновского. Сегюр считал, что русские «упустили момент заместить раненного Багратиона»^{xvii}. Автор указал на непрочность положения самих маршалов, воспроизведя слова Нея, требовавшего ввести в бой за Семеновское гвардию.

Сегюр признал распоряжения Наполеона в ходе битвы неудовлетворительными в связи с болезнями императора, обострившимися в пору осеннего равноденствия. Этим он объяснил сомнительный исход битвы: «...Время было упущено. Нечего было думать о захвате всей русской армии и, быть может, целой России; оставалось лишь удержать за собой поле битвы»^{xviii}. Говоря о потерях Великой армии, Сегюр восклицал: «Какой траур в Париже! Какое торжество для его врагов!»^{xix}.

От себя отметим: каким торжеством для Толя была книга Сегюра! По-видимому, Сегюра увлек драматизм событий и образность повествования, а временные рамки происходившего его не особенно интересовали. У романтически настроенного сочинителя была своя логика: чем дольше длилось сражение за обладание флешами – тем больше там было совершено героических дел. Но относительно вступления в бой дивизии Фриана автор не позволил себя запутать: 2-я пехотная дивизия устремилась к Семеновскому после ранения Багратиона и захвата флешей, но время этого события Сегюр указал по Бутурлину. У

французского автора теперь возникла та же проблема, что и у его русских собратьев по перу: ему надо было заполнить войсками и боевыми действиями приличный отрезок времени с 10.00 до полудня. Если в нашей историографии эта проблема решалась на бумаге за счет раннего перемещения войск 2-го корпуса, то Сегюр, не меняя расписание войск, нашел более оригинальное решение. Он заполнил паузы фразами: «среди французов царил беспорядок победы – изумленные, они отступили», «сильный огонь обрушивался на Нея и Мюрата, задерживая победу», «победители первые почувствовали утомление»; последнее обстоятельство без конца заставляло Нея и Даву останавливаться, обращаться к Наполеону за поддержкой в виде гвардии, а их повелитель, лишенный былой энергии, слишком долго размышлял. Рассказ о бое за флеши, таким образом, оказался наполнен драматическим ожиданием гвардии, диалогами между маршалами и императором, которые велись посредством «героических посыльных»^{xx}.

Так Сегюр, весьма кстати для «русской» версии, до полудня продлил оборону флешей русскими войсками. «Французская» версия от этого тоже не проигрывала: согласно ей, дивизия Фриана, направленная «для поправления ошибок», прибыла на поле боя не к 10.00, а к полудню. Но Сегюр все-таки попал в затруднительное положение: согласно распоряжениям Наполеона, французы атаковали центральный редут именно после взятия флешей, а не наоборот, как утверждала «русская» версия. Для Сегюра, находившегося в сражении при штабе Наполеона, это было совершенно очевидно, потому что вытекало из логики событий и доказывалось рапортами маршалов. Тогда он сдвинул атаку центра также на полдень, хотя и после захвата флешей. Эта версия нашла отражение в русской историографии несмотря на то, что вскоре после книги Сегюра появились более основательные труды о Бородинском

сражении.

В 1827 г. была опубликована работа бывшего секретаря кабинета Наполеона барона А. Фэна, которому был чужд романтизм его предшественника^{xxi}. В описании Бородинского сражения он, как и Шамбрэ, опирался на 18-й бюллетень, считая, что флеши были захвачены в 8.00, а атака дивизии Морана (бригада Бонами) произошла около 9.00. В том же году появилось сочинение «Политическая и военная жизнь Наполеона» А. Жомини, высоко почитавшегося Толем^{xxii}. Знаменитый швейцарец, работавший вместе с Толем над историей наполеоновских войн, избрал за основу хронометрии сражения объединенный вариант версии Толя – Сегюра, но насчитал три атаки на флеши. С его точки зрения, с 11.00 до полудня корпус Нея, «поддержанный остатками войск Даву и вестфальцами, занимает высоты и флеши левого крыла русских. Багратион устремляется на него, но получает смертельную рану; русские отбиты»^{xxiii}. В сочинении Жомини, как и в версии Толя, «исчезла» контратака дивизии Коновницына. Но, в отличие от Толя, Жомини сообщил, что именно после ранения Багратиона «дивизия Фриана направлена Наполеоном на Семеновское» за овраг^{xxiv}. Атаку на батарею Раевского историк так же, как и Сегюр, ошибочно перенес на полдень: «немного позже вице-король, перешедший Колочу, атакует центральный редут дивизией Морана»^{xxv}. Видный историк-теоретик «освятил» своим авторитетом версию, «озвученную» в русской историографии М.И. Богдановичем. Эта версия существенно отличалась от предложенной Толем, но также основывалась на традиционной путанице в хронометрии событий.

Самым удачным и основательным, на наш взгляд, описанием Бородинского сражения следует признать сочинение генерала Ж.Ж.

Пеле-Клозо, состоявшего в Бородинском сражении в чине аджудан командана при помощнике начальника Главного штаба Великой армии по пехоте дивизионного генерала Ж. Мутона. Его «Битва под Москвой» – это первая и, по сути дела, единственная попытка аргументированной дискуссии с «русской» версией, изложенной Д.П. Бутурлиным^{xxvi}. Пеле попытался соотнести планы сражения обеих сторон с боевыми действиями, направленными на их реализацию. Этому способствовала осведомленность автора обо всех важнейших событиях 24–26 августа, записи о которых он заносил в свой дневник. Сам генерал сообщал о себе: «Вечером 6 сентября я ... расставлял войска 1-го и 3-го корпусов в порядке, предназначенном для атаки на следующий день. <...> Я сопровождал Наполеона во всех обзорах, произведенных им 6 числа. <...> Около 8 часов утра я был на северном крае Утицкого леса»^{xxvii}. Во время сражения Пеле находился как раз в том месте, о котором существуют самые противоречивые сведения, – на южном фланге.

Пеле заметил по поводу книги Бутурлина: «Полковник Бутурлин, под покровом великого беспристрастия, в своей “Campagne de Russie” очень искусно извратил главнейшие обстоятельства этого сражения в войну 1812 г.»^{xxviii}. Он критически отозвался об источниках, которые в то время использовались как русскими, так и французскими авторами: «Французские бюллетени, написанные в пылу действия, представляют поразительную картину этого сражения, но в них нет необходимых подробностей. Русский Главный штаб, осмелившийся присвоить себе победу, обнародовал только то, чем можно было прикрыть его поражение ... Историки нуждались в пояснении, но никто из них не был прилично поставлен для узнания истины»^{xxix}. Пеле принял на себя непростую задачу дать необходимые, с его точки зрения, «пояснения». Он

сдержанно, без излишней патетики, как это было у Лабома или Сегюра, изложил причины сражения так, как они ему представлялись: «Французам для вступления в неприятельскую столицу нужна была громкая победа. <...> Русские генералы были доведены до необходимости или оставить Москву, или спасти ее сражением»^{xxx}.

Пеле сделал меткое замечание в адрес русского историка по поводу назначения Шевардинского редута: «Бутурлин полагает, что Шевардинский редут был возведен “для наблюдения наших движений и замедления наших колонн”. Наблюдают с помощью кавалерии, а не редутов.<...> Вероятно, что этот редут, который фланкировался деревнями Шевардиной и Доронино, должен был быть связан промежуточным укреплением»^{xxxi}. Пеле «угадал» причину первоначального расположения левого фланга при Шевардине: «На карте, гравированной в Париже в военном депо с большого русского атласа, течение Колочи выше Бородина представляет большое уклонение к востоку... Вероятно, что Император, введенный в заблуждение картами, не угадал позади арьергарда странного расположения Кутузова»^{xxxii}. Свидетельство Пеле служит доказательством того, что в момент атаки русские войска действительно находились позади редута, не успев переместиться к Семеновскому. Автор писал об «отряде» Горчакова как о «левом фланге неприятельской армии» и полагал, что Наполеон не предпринял бы атаки на Шевардино, если бы знал местность. «Тогда сражение могло бы повести к весьма гибельным последствиям», – рассуждал Пеле, считая, что нападение на Шевардинский редут «спугнуло» русскую армию, принудив к отходу на новую позицию. В доказательство того, что первоначально левое крыло русской армии находилось у Шевардина, дотошный штабист привел самые убедительные факты, какие только можно было привести: «Я

противопоставляю их утверждениям кутузовские бюллетени от 5, 6 и 8 сентября. Они объявляют, что французская армия произвела 5 числа “движение на левом фланге, находящемся под командою Багратиона”»^{xxxiii}. Можно гадать, как французский историк узнал о ранних рапортах Кутузова, ссылки на которые отсутствуют в сочинении Бутурлина. Далее Пеле развивал мысль так: «...Бороздин с 8-м корпусом, усиленным дивизией Неверовского, был на левом фланге, должно быть примыкавшем первоначально к Шевардинскому редуту и Доронинскому оврагу»^{xxxiv}. К этому заключению Пеле мог прийти двумя путями: посредством логических выводов или же в результате общения с кем-то из русских штабных офицеров, располагавших информацией. Более четкой аргументации в отношении позиции левого фланга не содержалось даже в трудах русских историков, впоследствии пытавшихся вникнуть в этот вопрос. Критик Бутурлина обратился к другой, не менее важной проблеме Бородинского сражения: «Если предположение относительно первоначального построения Кутузова не покажется достаточно доказанным, то по крайней мере должны будут признать верность замечаний, сделанных по поводу правого фланга. Желая дать оборонительное сражение, русский генерал должен был построить свои войска в несколько линий между двумя дорогами, по которым могла идти французская армия, дабы перенести свои силы на ту часть фронта, которая будет атакована. А он растянул их в одну линию, длиною в 7 верст, и с утра у него не было другого резерва, кроме гвардии, которая была введена в бой немного спустя после начала сражения»^{xxxv}. Пеле лукавил, сообщив, что Наполеон располагал этими сведениями уже в ходе битвы. Эту информацию Наполеон мог, конечно, получить при опросе пленных, выяснив их принадлежность по полкам. Однако нам представляется, что Пеле изучил русские источники, «презревшие

печать». Повлияла на его оценку событий при Бородине и работа Н.А. Окунева, изданная на французском языке раньше, чем на русском^{xxxvi}.

Автор указывал на существенное обстоятельство, которое можно расценивать и в пользу русской армии: «Дивизии Фриана и Клапареда были назначены для исправления ошибок, сделанных во время сражения, и на случай неожиданных происшествий»^{xxxvii}. Обе эти дивизии оказались задействованы, как и русская гвардия, в первой же половине дня. Пеле подчеркнул объективные трудности русского главнокомандующего в определении места нанесения главного удара (вопреки заверениям Барклая и Беннигсена): «Наши силы представлялись этому генералу в двух колоннах, направленных на центр его линии. Подобное расположение достаточно ясно указывало на то, что Наполеон переведет французскую армию на тот или другой берег Колочи»^{xxxviii}. Пеле свидетельствовал, что и у Наполеона существовали те же самые опасения за свой северный фланг, расположенный в районе Новой Смоленской дороги: «Он должен был следить за всеми движениями, которые мог произвести против этого пункта неприятель.<...> Император не мог протянуть свой правый фланг, не отделив его совершенно от дороги». Эти же упреки раздавались в адрес Кутузова, не пожелавшего перед сражением ослабить правифланговую группировку войск в районе Новой Смоленской дороги.

Пеле изложил смысл распоряжений Наполеона, отданных каждому маршалу, а затем подверг анализу соответствие замыслов достигнутым результатам. Указав, что в задачу корпуса Даву входило «атаковать боковые реданты, действуя на одной высоте» с 5-м корпусом Понятовского на Старой Смоленской дороге, автор признал, что эта первая фаза сражения закончилась неудачей. В качестве причин Пеле назвал «чрезвычайно трудную местность», занятую русскими егерями,

«жестокий артиллерийский огонь с русских батарей», «страшные потери», в том числе среди французских военачальников. Пеле утверждал, что Понятовский не смог оказать содействие войскам Даву. Важно, что Пеле подтвердил тот факт, что в начале сражения из двух группировок войск Наполеона (Понятовский и Даву) ни одна не исполнила возложенных на них обязанностей.

Пеле отметил, что маршал Ней («центр сражения») существенно изменил данные ему предписания: «Указанное ему направление вело его к северу от Семеновского. <...> Но <...> неукротимый воин кидается вправо, куда призывает его сильная пальба, где он замечает некоторое колебание в войсках 1-го корпуса»^{xxxix}. Пеле указал, что нападение Нея на «реданты» служило сигналом для вступления в дело левого фланга Великой армии, и Евг. Богарнэ в соответствии с этим атаковал Бородино. Установленная логическая связь противоречила «русской» версии: нападение противника на Бородино вовсе не являлось отвлекающей демонстрацией, а было составляющей частью замысла Наполеона, пошелонно вводившего в бой войска. Со слов Пеле явствовало, что левофланговая группировка Богарнэ ориентировалась на результаты боевых действий у Семеновского. Продвижение вперед войск Нея («центр сражения») вызывало активность войск Богарнэ («ось сражения»). Как только Нею и Даву удавалось продвинуться к Семеновскому, в бой вступали войска Богарнэ; пока русские войска владели флешами и деревней, атаки Богарнэ неизбежно захлебывались. Анализируя ситуацию на направлении главного удара у Семеновского («ключ позиции»), Пеле снова обнаружил знание русских источников: «Около семи часов русский Главнокомандующий увидел себя вынужденным отправить на помощь левому флангу кирасир, половину гвардии, сводных гренадер и артиллерию 5-го корпуса; таким образом, с

первых минут сражения большая часть его резервов уже была введена в дело. Несколько позднее он велел послать приказы Багговуту»^{xi}.

Уличая в недобросовестности русских авторов, Пеле представил не менее объективный анализ положения Великой армии в кризисный момент битвы: «Было 9 часов. На главных пунктах неприятельская армия была потеснена. Семеновские реданы, северная часть оврага и его устье были в нашей власти. <...> Бородинский пост взят. Левый фланг, центр, даже резерв русских сильно потерпели. Судьба сражения должна была, кажется, решиться в это время. Но Понятовский был еще очень удален от нашего правого фланга. Даву и Ней соединили головы своих колонн против реданов левого крыла. <...> Вследствие этого между Ледрю и Мораном образовался огромный промежуток, занятый лесом, наполненным русскими егерями. Наконец, вице-король не сдержал войск Дельзона и не подкрепил Морана. Эти ошибки замедлили победу и подвергли ее сомнениям»^{xli}.

Пеле указал на ряд обстоятельств, расходившихся со сведениями 18-го бюллетеня, отметив, что к 9.00 ни одно из предначертаний Наполеона не было реализовано. Более того, именно в это время во французских боевых порядках фактически обнаружился разрыв, заполненный русскими егерями. Пеле поведал, что Наполеон вынужден был ввести в бой войска, назначенные «для исправления ошибок», т. е. дивизии Фриана и Клапареда «для занятия отчасти пространства, образовавшегося в центре»^{xlii}. Пеле сообщал, что в 11.00 Наполеон знал, что «большая часть неприятельской армии еще не сражалась; он должен был тревожиться тем назначением, которое готовил ей Кутузов»^{xliii}.

Остается только удивляться тому, что явное доказательство неудач Великой армии, свидетельствующее об успехе русской обороны, не

привлекло внимания отечественных историков, предпочитавших изображать несуществующие атаки, двигать на бумаге войска туда, где их на самом деле не было, менять последовательность событий без логики и смысла, отчего в первую очередь страдала репутация русского командования. Хотя Пеле критически отнесся к многим распоряжениям Кутузова в битве, он заметил в адрес русского главнокомандующего: «Если Кутузов первоначально дурно расположился; если он не сразу увидел, что ему следовало сделать, то в продолжение дня он обнаружил тот характер, который составляет одно из драгоценнейших качеств Главнокомандующего. Его стойкость уравнивала и отчасти расстроила высокие соображения Императора. Император мог бы погибнуть, если бы сделал хотя одну ошибку в присутствии таких неприятелей. <...> На берегах Москвы-реки русский генерал был осмотрительнее [чем под Аустерлицем в 1805 г. – *Л.И.*]: здесь Наполеон тщетно ожидал, чтобы он произвел какое-либо рискованное действие»^{xliv}.

Сочинение Пеле не сыграло заметной роли в историографии обеих сторон, где предпочитали труд Сегюра, выдержавшего только во Франции 30 изданий. На наш взгляд, именно работа Пеле явилась высшим достижением западной историографии, посвященным Бородинскому сражению^{xlv}. Сам автор был скромнен, он предлагал свои материалы и Сегюру, и Гурго, однако вопросы хронометрии не особенно волновали его предшественников: первого интересовал, очевидно, драматизм событий, а второго – незыблемость авторитета Наполеона. Ссылки на работу Пеле присутствовали в трудах А.И. Михайловского-Данилевского, Ф.Н. Глинки, И.Ф. Липранди, впоследствии и М.И. Богдановича, однако существенное влияние на их работы это сочинение не оказало, хотя в нем присутствовали и объективный анализ, и сопоставление источников обеих сторон – словом,

все то, чего так не хватало для того, чтобы выбраться из тенет «русской» версии.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 7.

ⁱⁱ *Bulletins officiels de la Grand Armée: Campagne de Russie et de Saxe.* Paris, 1821. P. 99–104.

ⁱⁱⁱ *Ibid.* P. 86–87.

^{iv} *Labaume E.* Relation circonstanciée de campagne de Russie en 1812. Paris, 1814; Далее цит. по: *Лабом Э.* Из воспоминаний // Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001.

^v *Лабом Э.* Из воспоминаний. С. 272.

^{vi} Там же. С. 273.

^{vii} Там же. С. 273.

^{viii} Там же. С. 270–271.

^{ix} *Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. Paris, 1823. Т. 1–2.

^x *Las Cases A.E.D.M.* Mémorial de Sainte-Hélène par le Comte de Las Cases suivi de Napoleon dans l'exile par M.O'Meara et Antomarchi. Paris, S.a. Vol. 1–14; *О'Мира Б.* Наполеон: Голос с острова Св. Елены: Мемуары. М., 2004. С. 126.

^{xi} *Las Cases A.E.D.M.* Op. cit. Т. 2. P. 698.

^{xii} *Rapp J.* Mémoires. L., 1823. P. 199–200; Бородино в воспоминаниях современников. С. 205–209.

^{xiii} *Ségur Ph.-P.* Histoire de Napoleon et de la Grand Armée pendant l'année 1812. Paris, 1824. Далее цит. по: *Сегюр Ф. де.* Поход в Москву в 1812 году. М., 1911.

^{xiv} *В.Н. Земцов* считает, что впервые к труду Бутурлина обратился Фэн, однако в работе Сегюра содержатся фрагменты описания битвы текстуально совпадающие с сочинением Бутурлина. См.: *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 15–16.

^{xv} *Сегюр Ф.* Указ. соч. С. 19–20.

^{xvi} Там же. С. 23.

^{xvii} Там же. С. 33.

^{xviii} Там же. С. 37.

^{xix} Там же. С. 41.

^{xx} Там же. Указ. соч. С. 29–37.

^{xxi} *Fain A.J.F.* Manuscript de 1812. Paris, 1827. Т. 1–2.

^{xxii} *Jomini A.H.* Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui même au tribunal de Cesar, d'Alexandre et de Frederic. Paris, 1827. Vol. 1–4. Далее цит. по: *Жомини А.* Политическая и военная жизнь Наполеона. 3-е изд. СПб., 1844. Ч. 2.

^{xxiii} *Жомини А.* Указ соч. С. 47.

^{xxiv} Там же. С. 47–48.

^{xxv} Там же. Указ. соч. С. 48.

^{xxvi} *Pelet J.J.J.* Bataille de la Moskova // Spectateur militaire. 1829–1830. VIII. *Пеле Ж.*

Бородинское сражение // ЧОИДР. 1872. Кн. 1. М., 1872. Далее цит. по: *Пеле Ж.Ж.*
Московская битва // Бородино в воспоминаниях современников. С. 319–356.

xxvii *Пеле Ж.Ж.* Московская битва. С. 319.

xxviii Там же. С. 320.

xxix Там же. С. 321.

xxx Там же. С. 321.

xxxi Там же. С. 329–330.

xxxii Там же. С. 322–323.

xxxiii Там же. С. 329.

xxxiv Там же. С. 330–331.

xxxv Там же. С. 332.

xxxvi *Окунев Н.А.* Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 г. СПб., 1833.

xxxvii Там же. С. 333.

xxxviii Там же. С. 334.

xxxix *Пеле Ж.Ж.* Московская битва. С. 336–337.

xl Там же. С. 337.

xli Там же. С. 339–340.

xliv Там же. С. 340.

xlvi Там же. С. 343–344.

xlv Там же. С. 351.

xlv *Хорвард Д.* Полковник Пеле в России: 1812 год // Бородино и наполеоновские войны: Битвы, поля сражений, мемориалы: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 190-летию Бородинского сражения. М., 2003. С. 251–260.